

ВИЕНО ЗЛОБИНА (Петрозаводск)

КТО ТАКИЕ КОРЛАКИ?

О финских поселениях в Сибири в литературе почти нет сведений. В некоторых художественных произведениях¹ и отчетах духовных лиц, проводивших работу среди сосланных в Сибирь лютеран в XIX и начале XX вв.², упоминаются финские колонии в Сибири, но данные о жителях этих колоний, их обычаях и языке более чем скудны.

В 1968 г. была опубликована небольшая заметка³, в которой сообщалось, что в дер. Орловка Калачинского района Омской области проживает несколько семей финнов. На письмо, адресованное автором данной статьи упомянутым в заметке Д. М. Ункури и Я. И. Клеймоле, был получен ответ с приглашением приехать в гости к сибирским финнам. В июне 1969 г. автор отправилась в Сибирь, чтобы познакомиться с функционирующим там финским языком и выявить те изменения, которые произошли в его структуре в результате более чем столетнего контактирования с другими языками.⁴

Сбор языкового материала проводился в дер. Орловка, которая находится в ста километрах к востоку от Омска, и на станции Колония, что в десяти километрах от Орловки. Деревня была заселена в 20-х годах нашего столетия жителями близлежащих деревень Хельсинки, Ревель и Рига (названия ясно указывают на национальную принадлежность жителей).

В настоящее время в Орловке живут представители 11 национальностей, причем финны, эстонцы, латыши и немцы составляют большинство. Первое же знакомство с функционирующей в Орловке финской речью навело на мысль, что здесь представлены две ее разновидности.

Часть финнов, предки которых прибыли в Сибирь из Финляндии в середине XIX в. — одни как политические заключенные, другие как уголовные преступники, а некоторые по своей воле, говорит на финском языке, имеющем некоторые особенности одного из диалектов северной Финляндии. Полная изоляция от литературного финского языка привела к тому, что местная речь развивалась своими путями, впитывая и большое количество заимствованных элементов. Она заметно отличается от современного литературного финского языка и собственно финские элементы подчас производят архаичное впечатление. Речь другой части населения содержит много элементов карельского языка. Носители этой речи официально считаются финнами, так и сами называют себя, но есть у них и другое самоназвание — корлаки. В Орловку они переехали

¹ L. Luoto, Pakolaisena, Wisconsin 1925.

² J. Granö, Kuusi vuotta Siperiassa, Helsinki 1893.

³ S. Mihaļjova, Suomalaisia Omskin alueella. — Neuvosto-Karjala, 22. XII 1968.

⁴ О некоторых предварительных результатах этой поездки см. V. Zlobina, Siperian suomalaisten vieraana. — Neuvosto-Karjala, 12. IX 1969.

несколько десятилетий назад из мест, заселенных основной массой корлаков. Корлаки, проживающие в Орловке, не смогли рассказать, откуда их предки прибыли в Сибирь, и объяснить самоназвание «корлак». В литературе о корлаках упоминает лишь Л. Луото, описывая свое пребывание среди сибирских финнов в 1918—1922 г. Он возводит слово *корлак* к рус. *горлак* и считает, что корлаки происходят от сосланных в Сибирь из Финляндии, Эстонии, Российской Карелии, Ингерманландии нарушителей порядка. Свое название они получили, по его мнению, будучи отчаянными горлорезами.⁵ Л. Луото не считает, что корлаки представляют собой этнографическую группу, а следовательно, у них не могло быть и общих особенностей культуры, быта, языка и вероисповедания.

Однако встречи с корлаками, их речь и рассказы об образе жизни на родных местах, которые они называют *vanha paikka* 'старое место', заставляют думать, что корлаки по своему этническому составу представляют собой однородную группировку какой-то прибалтийско-финской народности.

Корлацкие деревни состояли из однотипных жилых помещений с хозяйственными постройками. Д. Ункури, по происхождению корлак (со стороны матери), рассказывая об обычаях, традициях, быте корлаков, подчеркивал их трудолюбие, скромность, честность. Он вспоминал, что *uksl krampis ei piettü* 'двери на запор не запирались'. Кроме земледелия и скотоводства, они занимались рыбной ловлей, ездили за 60 км от села по бездорожью через тайгу в устье Вагая ловить стерлядь. Это то самое место, где погиб Ермак, корлаки называли его *Jermakan kalmat* 'могила Ермака' (русское название Ермакова заводь).

Кроме общности форм материальной культуры, корлаков объединяет лютеранское вероисповедание, хотя в доме корлака обязательно висели и иконы. Наличие икон они объясняли влиянием окружавших их русских. Корлаки носят русские фамилии. Одним из главнейших факторов, объединяющих корлаков в единую этнографическую группу, является общность языка. Предположение же о происхождении слова *корлак* от рус. *горлак* вряд ли возможно. Во-первых, *корлак* — это самоназвание (официально они считаются финнами) и вряд ли, говоря о себе, люди стали бы употреблять данное другими оскорбительное прозвище. Во-вторых, в слове *корлак* (<*горлак*) предполагается переход *g* > *k*. Однако у корлаков есть много русских заимствований, где звонкий смычный *g* сохранился, например, *gostintsat* 'гостинцы', *gostjat* 'гости', *griva* 'грива' и даже *gorlo* 'горло', к которому возводится *корлак*. Это доказывает, что перехода *g* в *k* уже не происходило во времена переселения корлаков на занятые ими теперь территории.

Итак, можно сделать вывод о том, что корлаки не являются потомками сосланных в Сибирь воронжников, а представляют собой какую-то единую этническую группировку прибалтийских финнов.

Самоназвание *корлак* даже неискушенного в истории прибалтийско-финских племен наведет на мысль о сходстве его с рус. *кореляк*, производным от *Корела*.

Говоря об этногенезе карельского народа, Д. В. Бубрих относит оформление его как отдельного племени к XI в. Название *Karjala*, отсюда *Корела*, по его мнению, появилось позже. Первое летописное упоминание Корелы относится к 1143 г., с 1149 г. она входит в состав Русского государства.⁶

⁵ Л. Луото, указ. раб., стр. 87.

⁶ Подробнее см. Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск 1947, стр. 15, 32.

В 1617 г. по Столбовскому миру к Швеции отошла вся старая территория Корелы и Ингерманландия. Началось переселение жителей с занятых Швецией земель. Самый значительный поток переселенцев, как утверждает Д. В. Бубрих⁷, направился в тверские и новгородские земли и даже дальше — на Волгу и Оку. Было зарегистрировано около 6000 семей, приблизительно 30 000 человек. Часть из них направилась в среднюю и северную Карелию.

Переселение Корелы совпало с крупными событиями на востоке России. К началу XVII в. Западная Сибирь была присоединена к Русскому государству, началось ее интенсивное заселение. Можно предположить, что какая-то часть Корелы тоже отправилась на вольную колонизацию Сибири и что в самоназвании *корлак* отражается употреблявшееся по отношению к карелам название *кореляк*.

В связи с тем, что речь тех немногих корлаков, которые проживают в Орловке, очень интерферирована (они находятся в чужом языковом окружении уже десятки лет), точно определить трудно, к представителям какой языковой группы они относятся. Однако некоторые структурные и лексические особенности свидетельствуют о близости ее к речи ижорцев, проживающих в Кингисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области.

Целью экспедиции в июне 1970 г. было обследование мест обитания основной массы корлаков и сбор языковых образцов для окончательного выявления характера речи корлаков.

В прошлом корлаки проживали в основном в Рыжкове, находящемся в 200 км западнее Омска, и в окрестностях г. Тары на левом берегу Иртыша (в 300 км ниже Омска). В XIX в. это были крупные поселения корлаков, куда затем стали приезжать финны из Финляндии и окрестностей Петербурга. Рыжково и сейчас называют *vanha paikka*; по рассказам старожилов, отсюда корлаки стали переселяться на новые территории, особенно в окрестности г. Тары. В этих отдаленных местах выросли большие деревни корлаков. Наиболее крупным поселением было Бугене, или Чухонское, которое корлаки называли *suomenkylä* 'финская деревня', с 90 дворами, магазином, школой, церковью и даже базарной площадью. Неподалеку располагались деревни Ларионовка (*laro*) — 40 дворов, Морозкино — 30 дворов, Орегово — около 100 дворов и Федькино, в которой преобладали ингерманландцы.

В настоящее время основная масса корлаков проживает в дер. Рыжково Крутинского района и в дер. Финны (бывшее Бугене, или Чухонское) Знаменского района Омской области. Незначительное количество корлаков живет в г. Тара, в с. Знаменка и в других близлежащих деревнях.

В дер. Финны, где около 40 дворов, основную массу населения составляют корлаки, есть также эстонцы и русские. Старшее поколение и люди среднего возраста говорят по-корлацки, а дети, особенно школьного возраста, говорят только по-русски.

Первое же знакомство с речью основной массы корлаков подтвердило наше предположение о сходстве ее с ижорским языком. Следует, однако, отметить, что корлаки не знакомы со словами *inkerikko* и *ižora*.

Наряду с фонетическим, грамматическим и лексическим сходством между речью корлаков и ижорцев имеются и некоторые различия, например, у корлаков встречаются дифтонги в первом слоге: *miezäläv kuoli*, *müö*, *tüö*, *hüö*, *pientarel* и т. д.; совершенно не встречаются при-

⁷ Там же, стр. 42.

тяжелые суффиксы, нет показателя множественного числа *-loi, -löi*. Имеются также некоторые лексические расхождения, например, *pöütä* (ижор. *kanz*⁸), *loba* (ижор. *otsa kēro*), *paŋgi* (ижор. *uhlu*).

Образцы речи корлаков

1. *mihailovka on sūr külä. siel om meije küläst kuiŋk mont perēt männü elämā — korlakkoi. siel on ... heit saotā ei ole virola(i)set, a miŋ fiis kui — tartlaset. siel hästāt n̄ kehnō juttū, jot ei s̄a mittā. ... arvō. jos hüvä virolane hästā, mie s̄an kaik puhtāks arvon, mitā hästā, a ne tartlaset hästāt, en s̄a mittā arvō. mie hänt en ole monel ajastaikā siel käünü. viel ku sota ajaŋi sain siel käümā, n̄ perrā sen en ole käünü. sinne ei ole pufi, n̄ et mäne nallastah ajamā sinne. siel om meije küläläis̄i kül, on om̄iki monikaiset, suomen külästä on koltkümnen kolt kilometrā. pittā männä t̄aran kaut. sielt f̄sokrūsissah ja sielt männä mihailovkah.*

2. *suomen külä on nelikümnen kaks kilometrā znamenskast. siel müö mänimmä p̄r̄i üheksännel mait. suomen küläs emmä pitkā vuot elänt. mies oteffi sotta ja neljälkümnenennel kolmannel vuvvel tapetfi. kaks last jäi, pienet lapset olfi. üks oli kokonā pieŋ. toine oli jo vähäzen s̄urem, toizel oli kolmas āstaika, toizel oli moŋi k̄u vast, jos oli k̄ut kaks vai kolt, ku mies oteffi. t̄ämäst miehest on neli last, sest oli kaks. n̄ut on k̄us last, kolt poikā ja kolt tüttō. kaks tekkō tüöt kois.*

3. *meil saotā, on kärnäs ku kärnäkonna. metsäs enne heinämäl ku olimmo, siel ku lüöt sitā heinā välilt hüppiäü oikei sūr n̄iku kinnas. p̄ält on oikei ilkiä, n̄i om must n̄iku roko siel p̄äl kaik on, et katso vai et rikki männō joku pullu siel. silmät oike s̄uret. oike ilkē konna, hä on pullui t̄äünnä, just̄i onki n̄iku kärnä. kärnä on s̄ühkü kässis. kärnä on zaraznoi taufi veññäks f̄sesotka.*

Перевод

1. Михайловка — большая деревня. Туда из нашей деревни много семей отправилось жить — корлаков. Там есть ... их называют не эстонцы, а поди знай как — тартуские. Там говорят так плохо, что не поймешь ничего. Если настоящий эстонец говорит, я все начисто понимаю, что он говорит, а эти тартуские говорят — ничего не понимаю. Я туда многие годы не ездила. Еще во время войны ездила туда, а после этого не была, нет пути, так нарочно туда не поедешь. Там есть наши деревенские и своих несколько. Из деревни Финны туда тридцать три километра. Нужно ехать через Тару, оттуда до Чокрушей и оттуда в Михайловку.

2. Деревня Финны в сорока двух километрах от Знаменки. Там мы поженились девятого мая. В деревне Финны мы недолго жили. Мужа взяли на войну и в сорок третьем году убили. Двое детей осталось, маленькие дети были. Один был совсем маленький, второй немного больше, одному был третий год, другому несколько месяцев лишь, еле ему было два или три месяца, когда мужа взяли. От этого мужа четыре

⁸ Ижорские примеры из: А. Лаанест, Ижорский язык. — Языки народов СССР III, Москва 1966, стр. 114.

ребенка, от того было двое, теперь шесть детей — три мальчика и три девочки. Двое работают дома.

3. У нас говорят — посыпан прыщами, как монгольская жаба. В лесу раньше, когда бывали на сенокосе, и как косишь траву, иногда прыгнет как большая рукавица. Сверху очень некрасивая, на ней прыщи, смотри, чтобы не раздавился какой-либо прыщ. Глаза очень большие, очень противная жаба. Она вся покрыта прыщами прямо как в чесотке. *kärnä* — это чесотка (в руках). Это заразная болезнь, по-русски — чесотка.

АЙЛИ КУККОНИЕН (Ленинград)

VIENO ZLOBINA (Petrozavodsk)

WHO ARE THE KORLAKS?

While in Siberia (Omsk region) in 1969 for the purpose of studying the speech of the Siberian Finns the author came across some people whose speech differed very much from the Finnish language. The speech reminds one of the Karelian dialect, but after having collected more linguistic data (the materials of the expedition to the Korlak village Finny in 1970) the author drew the conclusion that the language spoken by the Korlaks is very close to the Izhor way of speech. Officially the people concerned are considered to be Finns, but when speaking of themselves they use the name Korlak (may be derived from Russian *кореляк* which indicates a person belonging to the Karelian people). The Korlaks could not explain when, why and from where their ancestors had arrived in Siberia, but they supposed that the immigration may have taken place approximately 300 years ago.

The paper represents only a preliminary sketch of the subject and we hope that further researches will shed light on the problems we are unable to solve now.

а) Дифтонги *ai, oi, ui* развились из долгих гласных *ä, ö, y* прибалтийско-финского праязыка, например, *ai: kait* 'язык', *oi: doroja* 'дорога', *ui: läpärädi* 'передний', *ui: miehi* 'мужчина', *oi: suo* 'болото', *ui: radoja* 'колесо', *ui: hieppi* 'кормить', *ui: yö* 'ночь'.

б) Дифтонги *ai, oi* возникли из долгих гласных нижнего подъема *a, o* (также после выпадения интервокального шипящего в диалектах финского языка). Следует отметить, что дифтонгизация долгот гласных нижнего подъема свойственна также диалектам северо-восточной Финляндии — одним из самых характерных фонетических особенностей этих диалектов. Переход *a, o* в дифтонг происходит и в карельских говорах. Он был известен в старой приладожской Карелии¹ и, возможно, восходит к более древним периодам истории карельского языка, например, *ai: uuni* 'утро', *oi: väkälä* 'одеяло', *ui: maa* 'земля', *oi: uuna* 'опасность', *ai: uuni* 'проливать', *ui: uuni* 'божья'; *ai: lähi* 'рядом', *oi: täällä* 'здесь', *ai: päi* 'зад', *oi: päi* 'голова', *ui: uuni* 'запорачивать'.

в) В формах сильной степени дифтонг перед смычными *k, p, t* слышится отчетливо: *ai: kuka* 'подбородок', *oi: seipä* 'жердь', *ai: paita* 'рубашка', *oi: talle*

¹ L. Kettunen, Suomen murteet III B, Helsinki 1940, стр. 236—237.

² Там же, стр. 269.